

щій эту достославную жизнь, и это, хотя и случайное, но все-таки самопожертвованіе. Далѣе идти нельзя!“ — Но, М. Н. — замѣчалъ я, — въ художественномъ отношеніи никогда не слѣдуетъ выставлѣть враговъ своихъ въ неприглядномъ видѣ, а напротивъ, рисовать ихъ съ лучшихъ сторонъ. — „Прекрасно-съ, — полу-иронически и полу-убѣжденно возражалъ г. Катковъ, — но тутъ, кромѣ искусства, припомните, существуетъ еще и политическій вопросъ. Кто можетъ знать, во что обратится этотъ типъ? Вѣдь это только начало его. Возвеличивать спозаранку и украшать его цвѣтами творчества значитъ дѣлать борьбу съ нимъ вдвое труднѣе впоследствии. Впрочемъ, — добавилъ г. Катковъ, подымаясь съ дивана, — я напишу объ этомъ Тургеневу и подожду его отвѣта“.

Мы можемъ сослаться на самого почтеннаго издателя „Моск. Вѣдомостей“, что сущность нашего разговора о романѣ Тургенева была именно такова, какъ здѣсь изложено. Изъ полемики, возгорѣвшейся послѣ появленія „Отцовъ и Дѣтей“, причѣмъ Тургеневъ далъ и отрывокъ изъ письма къ нему г. Каткова, видно, что послѣдній писалъ именно въ томъ смыслѣ, какъ говорилъ со мной. Множество искушеній долженъ былъ пережить Тургеневъ въ Парижѣ относительно лучшаго совершеннѣйшаго своего произведенія, начиная съ совѣта предать его огню, даннаго семьей Т—выхъ, которую онъ очень уважалъ, а особенно хозяйку его, весьма умную, развитую и свободную духомъ женщину Алекс. Петр. Т—ву. Восемь дней спустя послѣ перваго парижскаго, уже знакомаго намъ письма, я получилъ отъ него записочку такого содержанія:

„Парижъ. 8 октября н. с. 1861. — Что же это вы, ба-тюшка П. В., изволите хранить такое упорное умолчанье — когда вы знаете, что я во всякое время, и теперь въ особенности, ожидаю вашихъ писемъ. Предполагаю, что вы уже прибыли въ Петербургъ и пишу вамъ черезъ Тю—выхъ, которые (какъ они уже, вѣроятно, вамъ сообщили) осудили мою повѣсть на сожженіе или по крайней мѣрѣ на отложеніе ея въ дальній ящикъ. Я желаю выйти изъ неизвѣстности — и если ваше мнѣніе и мнѣніе другихъ московскихъ друзей подтвердитъ мнѣніе Т—выхъ, то „Отцы и Дѣти“ отправятся къ... Пожалуйста напишите мнѣ, не мѣшкая. Адресъ мой: Rue de Rivoli, 210.“

„Здѣсь я нашелъ все въ порядкѣ: погода стоитъ лѣтняя, иначе нельзя ходить, какъ въ лѣтнихъ панталонахъ. Изъ русскихъ почти никого нѣтъ, кромѣ В. П. Боткина, который — *entre nous soit dit* — окончательно превратился въ безобразно-эгоистическаго, циниче-